

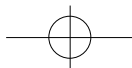
Юрий Солозобов

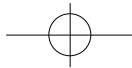
Газовый Гольфстрим

Изменение объемов и направлений транзита энергоносителей, с которым скоро предстоит столкнуться России, может стать одним из следствий происходящей на пространстве Евразии глобальной реорганизации. По их итогу прежде незаменимая Россия может стать «слабым звеном» в этом сегменте международной сырьевой экономики. Недооценка властями России стратегических угроз в области диверсификации инфраструктуры энергопоставок может оказаться просто фатальной. Тем более что другие инфраструктурные проекты будущего, не связанные прямо с вывозом сырья (например, развитие транспортных коридоров), носят откровенно декларативный характер. Об этом красноречиво говорят факты: в ходе делимитации границ с Казахстаном даже не был поставлен вопрос о статусе части Транссиба, проходящей по его территории, а проблема всего индустриального Северного Казахстана была разменена на половину Имашевского газового месторождения.

Энергопередел Евразии

В настоящее время контроль над энергоресурсами и их транзитом представляет собой важнейшую форму контроля над участниками глобальной экономики. По мнению экспертов, сегодня Китай, Индия и некоторые другие государства, интен-

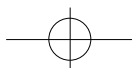

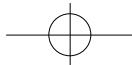
Юрий Солозобов

сивно развивающие свои экономики, наступают так же агрессивно, как западноевропейцы в последние 50 лет. Новые «тигры» ведут жесткую борьбу за рынки, ресурсы и пути их доставки, ясно понимая, что значительная часть энергоресурсов и транзитной инфраструктуры сосредоточена в странах СНГ. И в этой войне за овладение энерготранспортной инфраструктурой на пространстве бывшего СССР крупные энергокомпании действуют согласованно с национальными государствами и их спецслужбами.

Сегодня становится возможным прямое участие будущих покупателей энергоресурсов (Китая и Индии) в освоении новых инфраструктурных проектов в рамках двусторонних договоров со странами СНГ. Например, в Казахстане идет строительство большого трубопровода в Китай, которое завершится к концу 2005 г. Несмотря на то что до сих пор не решен вопрос о реальной наполняемости этой трубы, Казахстан уже начал позиционировать себя как дополнительного поставщика энергоносителей для Китая. Туркмения, в свою очередь, предлагает проложить газопровод в Пакистан и Индию через территорию Афганистана. Хотя эксперты по безопасности скептически оценивают перспективы трансафганского маршрута, Туркмения недавно вернулась к этому проекту, который весьма активно поддерживают США.

Важнейший коридор энерготранзита, где пока сохраняется российское доминирование, — это долгосрочные поставки газа в страны объединенной Европы. Значение российского газа для Европы, где он используется в основном для отопления, можно сравнить *только с Гольфстримом* — теплым потоком, омывающим европейский полуостров Евразии. Если поставки российского газа внезапно прекратятся, то современной Европе грозит новый ледниковый период. Кстати, и специалисты по климату в недалеком будущем прогнозируют «веерное отключение» теплого течения. Поэтому стабильность российского «газового Гольфстрима» крайне важна с точки зрения энергетической безопасности Евросоюза. Но и в этих устоявшихся отношениях есть немало проблем.

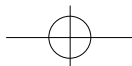

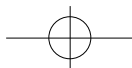
Россия — кочегарка Европы

Касаясь стратегического взаимодействия России и Европейского союза, эксперты отмечают, что ключевым вопросом их сотрудничества является вопрос о стабильности и постоянном росте поставок нефти и газа. Такое положение дел сложилось еще в 1990-е гг., когда сформировалась устойчивая модель торговых отношений России с Европой. С той поры в российском экспорте доминируют две группы товаров: энергоносители (преимущественно нефть и газ), а также такие энергоемкие товары, как металлы и химическая продукция. К началу XXI в. Россия, имеющая крупнейшие в мире запасы газа, и Европа, чьи запасы составляют всего 3% от общемировых, оказались более привязаны друг к другу экономически, чем когда-либо в совместной истории. Ввиду чрезвычайно высокой доли энергоносителей в российском экспорте (65%), во внешней политике нашей страны возник новый вид *еврозависимости*. Сегодня «незыблемая» и не обсуждаемая позиция России как «кочегарки Европы» формулируется крайне просто. Российская Федерация как «часть Европы» покорно несет значительную долю ответственности за энергетическую безопасность континента *на предложенных нам условиях*.

Российская Федерация, как «часть Европы», покорно несет ответственность за энергетическую безопасность континента на предложенных ей условиях

Как прогнозируют сами европейские эксперты, к 2030 г. до 70% энергоресурсов ЕС будет импортировать главным образом из стран бывшего Советского Союза. Уже сегодня 40% природного газа, в основном российского происхождения, ЕС получает через государства Восточной Европы. Но этих объемов топлива уже недостаточно растущей объединенной Европе. Даже при сохранении Россией ее процентной доли на расширяющемся европейском рынке требуется увеличение поставок с 130 млрд. куб. м до 200–210 уже в 2010 г. Отсюда — необходимость первоочередного строительства примерно трех ниток трубопроводов (по 30 млрд. куб. м в год каждая) и расширения газодобычи для обеспечения этих поставок.

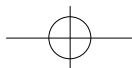
Юрий Солозобов

Внутри расширенной Европы только Великобритания, Голландия и Норвегия обладают экономически значимыми запасами газа, но внутренняя добыча ЕС в обозримом будущем не превысит предела в 300 млрд. кубометров. Сегодня в Голландии пик добычи газа уже пройден, а в Норвегии добыча нефти стабилизируется. Великобритания, оставаясь пока экспортером нефти, станет к 2005 г. нетто-потребителем газа. Решение энергетических проблем Европы — повышение конкурентоспособности продукции Евросоюза и минимизация негативного влияния промышленности на окружающую среду — возможно только при увеличении доли газа в энергобалансе. Так что повышение спроса на российский газ можно прогнозировать даже в условиях стабилизации общего потребления энергии.

Прогноз спроса на газ в Европе, млрд. м³

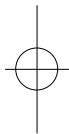
	2000 г.	2010 г.	2020 г.
ЕС-15	400	470–550	540–660
Новые страны-члены	100	130–170	170–240
ЕС-30	500	600–720	700–900
Добыча в ЕС-30	310	300	250–310
Импорт в ЕС-30	190	300–420	450–590

Сегодня потребление газа в Европе растет опережающими темпами: если в мире потребление газа за последнее десятилетие выросло на 20%, то в Европе — почти на 40%. Этот феномен объясняется изменением структуры спроса на различные виды энергоносителей в «тридцатке» будущей большой Европы. (Под новыми странами-членами подразумеваются Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Норвегия, Польша, Румыния,

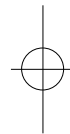

Словакия, Словения, Турция, Чехия, Швейцария, Эстония). Эксперты отмечают, что с начала 1990-х гг. по экологическим причинам, а также в связи с требованиями экономической эффективности усиливается тенденция к более интенсивному выводу угля и дальнейшему переходу на газ. Если сравнить с 1973-м, последним годом дешевой нефти, то к 2000-му доля угля упала с 25 до 14%, нефти — с 60 до 42%, доля природного газа выросла с 10,5 до 23%, а атомной энергии — с 1,5 до 15% с лишним. Дорогие энергоресурсы — один из серьезнейших минусов для конкурентоспособности Европы. Решение этой проблемы Европа пытается найти на путях сокращения доли посредников и либерализации рынка газа.

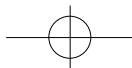
Товарищ, не в силах я вахту стоять...

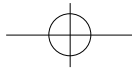

Сложившийся баланс интересов между российскими поставщиками газа и европейскими потребителями энергоносителей основывался на том, что производитель газа имел гарантированный многолетний сбыт. Эти долгосрочные соглашения позволяли рассчитывать на окупаемость масштабных инвестиций в трубопроводную инфраструктуру. В настоящее время сами газовики отмечают, что «газотранспортная система характеризуется высокой степенью изношенности». По данным «Газпрома», сегодня 38% магистральных газопроводов имеет возраст от 10 до 20 лет, 18% — более 33 лет (при среднем сроке службы газопроводов в 30 лет). Отметим, что стоимость строительства километра газопровода в России оценивается в 2,95 млн. долларов, общая протяженность магистральных газопроводов «Газпрома» составляет более 150 тыс. километров.

В настоящее время одной из широко заявленных в Евросоюзе целей является либерализация рынка энергоносителей. Однако на внутренних рынках стран ЕС практически отсутствует конкуренция типа «газ-газ», а цены на газ формируются под влиянием цен конкурирующих энергоносителей. При этом в отношениях с ЕС Россия лишена возможности маневрировать между позици-

Юрий Солозобов

ями различных стран: единственным партнером по переговорам выступает Еврокомиссия, выражающая консолидированную позицию всех государств — членов ЕС. Так что основным «достижением» такой либерализации является уход от долгосрочных контрактов и переход на биржевую торговлю, на краткосрочные сделки.

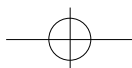
Сегодня существование долгосрочных контрактов еще не ставится под вопрос, но в самом ближайшем будущем определение цены на основе краткосрочных сделок (по примеру рынка нефти) может переложить все риски на производителя газа, т.е. на Россию. В этом случае га-

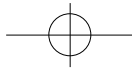
зотранспортная компания или буферная страна, которая обеспечивает транзит, всегда получит свой *твердый* тариф, а разница между спотовой ценой и этим тарифом окажется *риско*

Все попытки «Газпрома» поучаствовать в приватизации восточно-европейских газораспределительных сетей были решительно пресечены комиссией Евросоюза

вой выручкой производителя газа. Эта прибыль может колебаться в широких пределах, как и цена нефти. Кроме того, появляется возможность оказать давление на формирование начальных цен. Например, предстоящее вступление Турции в Евросоюз отрезает возможные пути для трубопроводного маневра России, зато делает возможным со стороны Евросоюза активную игру на понижение «первой отпускной цены на газ» (характерный пример — история с «Голубым потоком»), что резко уменьшает размеры прибыли газовиков.

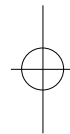
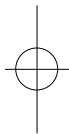
Надо признать открыто и обратную сторону долгосрочных контрактов: рынок европейского газа давно уже является «рынком покупателя», а не продавца. Сегодня Россия, как некогда СССР, фактически дотирует экономику Евросоюза фиксированными контрактами на поставки энергоносителей. Газ, поставляемый из Сибири в центр Европы примерно по 100 долларов за тысячу кубометров, доходит по европейской цепочке до конечного потребителя по цене 120–150 для крупных и 300–350 долларов для отдаленных и мелких потребителей. Эта весомая разница

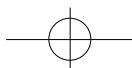
обусловлена налоговой и социальной политикой Евросоюза. За счет полученных прибылей и налогов и осуществляется модернизация объединенной Европы.

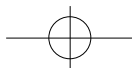
Ключевым активом восточноевропейских государств, включая Польшу, Словакию и Чехию, являются российские транзитные трубопроводы, идущие в Западную Европу. Страны газового транзита получают значительные пошлины, гарантированные тем, что Москва не может прекратить энергетические поставки в Германию. Поэтому все попытки «Газпрома» поучаствовать в приватизации восточноевропейских газораспределительных сетей были *решительно пресечены Комиссией Евросоюза*. Чехия не допустила российских соискателей к приватизации нефтеперерабатывающей компании Unipetrol, Литва отвергла предложения России, желавшей купить завод Mazeikiu Nafta, предпочтя американскую компанию Williams. Словакия, которая почти полностью зависит от российской энергии, продала 49% своего нефтепровода Transpetrol ЮКОСу в 2002 г., когда казалось, что ЮКОС вырвался из-под государственного контроля. Недавно Венгрия разрешила «Газпрому» и немецкой компании EON сотрудничать в приобретении активов энергетической группы Mol.

Поскольку Россия зависит от энергетической экспортной прибыли, она придает большое значение поставкам в Восточную и Западную Европу. Однако проект нового балтийского трубопровода может разрушить «гармонию интересов». Россия предложила путь по дну Балтийского моря, в обход Восточной Европы. План пользуется поддержкой в Британии и Германии, но вызывает противодействие в Польше и других странах транзита.

При всем сопротивлении российским попыткам диверсифицировать транзитные потоки, сам ЕС стремится максимально оградить себя от зависимости от одного источника. Хотя официально никаких ограничений не было введено, но на уровне рекомендаций Еврокомиссии можно судить о квоте России в размере 30%, призванной избежать большой зависимости будущих членов ЕС от российского газа. Сегодня Россия поставляет в объединенную Европу примерно 36% газа, остальной объем поста-

Юрий Солозобов

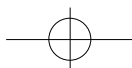
вок распределяется так: 31% приходится на Великобританию, 16% на Норвегию, далее по убывающей идут Алжир, Нидерланды, Нигерия.

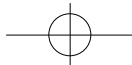
ЕС не готов допустить в будущем заметного увеличения доли газа из России для внутреннего потребления. Стратегия членов Евросоюза строится на том, что один вид энергоносителя должен импортироваться минимум из трех источников. Это вызвано экономическими (конкуренция поставщиков приводит к снижению цен) и политическими мотивами (нет угрозы энергетической безопасности из-за возможных политических разногласий с монопольным энергопоставщиком). Подобная стратегия ЕС требует активных усилий по установлению контроля над путями доставки энергоносителей, и плоды этих усилий уже проявляются на постсоветском пространстве.

Любовь к транзиту на троих

Построенная в советское время инфраструктура экспорта энергоносителей, которая практически полностью была завязана на Европу, сделала Украину важнейшим транзитным участком и ключевым игроком на рынке поставок в ЕС. 85% этого транзита проходит через территорию Украины. Мощность газотранспортной системы нашего «вечного соседа», который только за транзит газа ежегодно получает 1,5 млрд. долларов, составляет на входе 170 млрд. кубометров в год, а на выходе — около 130–140 млрд. Не случайно важнейшим вопросом, который затронул в Киеве президент РФ, оказалась транспортировка российского газа в Европу. Знаковая фраза Путина о том, что *«мы должны быть уверены, что транзит российского газа нашим западным партнерам в Европу будет работать как часы»*, прозвучала как очевидный наказ не только от лица России, но и от всей «старой Европы».

Виктор Ющенко, который еще в ходе «оранжевой» революции очень деликатно подходил к теме российского голубого топлива

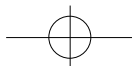

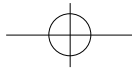
для Европы, сразу заверил, что Украина не будет стремиться к пересмотру договоренностей по газотранспортному консорциуму. Украина, по словам Ющенко, *«хочет использовать свое географическое положение и поддержит любое соглашение, обеспечивающее транзит по ее территории газа из России в страны Западной Европы»*. Однако украинская власть настойчиво предлагает вернуться к идее *«трехстороннего консорциума»*. Вполне логично возникает вопрос о числе сторон, участвующих в создании газотранспортного консорциума.

Впервые о создании консорциума было публично объявлено на встрече В. Путина, Л. Кучмы и Г. Шредера в Петербурге. Но трехсторонние переговоры довольно быстро «сменили» свой формат на двухсторонний: «Нефтегаз» — «Газпром». Разумеется, на переговоры всякий раз «приглашали» и немцев, но не более того. В момент создания консорциума премьер-министр Украины Анатолий Кинах отрицал, что паритетность участия в газовом консорциуме Украины и России (50 на 50) будет уменьшаться по мере присоединения к проекту западных компаний. Тогда украинская сторона считала, что Россия посредством Германии пытается оказать на нее давление, и упорно сопротивлялась расширению состава участников консорциума.

В итоге в конце 2002 г. было создано украинско-российское ООО «Международный консорциум по эксплуатации и развитию газотранспортной системы Украины», причем без участия немецкой стороны. «Нефтегаз Украины» и российский «Газпром», как соучредители, планировали, что консорциум на взаимовыгодных условиях будет обеспечивать транспортировку газа, а также надежность, безопасность и стабильность функционирования газотранспортной системы Украины, доставшейся в наследство от СССР.

Но уже в 2003 г. Украина отказалась от управления украинской газотранспортной системой силами созданного совместного с Россией консорциума. Тогда вице-премьер Гайдук подчеркнул, что Украина готова создавать с Россией консорциум *«лишь для строительства новой трубы»* для транспортировки газа из Цент-

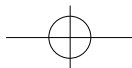

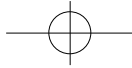
Юрий Солозобов

ральной Азии, где ожидается увеличение добычи. Речь шла о газопроводе «Новопсков — Ужгород», который является частью проектируемого трубопровода «Александров Гай (граница России и Казахстана) — Новопсков — Ужгород». Проектная мощность ветки длиной 1,5 тыс. километров составляет 28–30 млрд. кубометров в год, стоимость ее строительства оценивается в 1,6–2 млрд. долларов.

На встрече с Путиным новый президент Украины четко заявил, что речь не может идти о совместной эксплуатации украинского газопровода, указав, что *«газотранспортная система остается собственностью Украины»*. Такую же жесткую позицию при поддержке извне заняли и другие постсоветские страны, осуществляющие транзит. Сегодня только Тбилиси продолжает переговоры с «Газпромом» о продаже российскому монополисту газотранспортной системы, построенной в советское время и требующей масштабной реконструкции. Но эти чисто экономические планы вызвали резкое противодействие парламента Грузии и откровенное недовольство США. Так, американский посол в Грузии Ричард Майлз недвусмысленно порекомендовал оставить основной газопровод в государственной собственности, поскольку приход «Газпрома» может поставить под вопрос целесообразность лоббируемого США проекта прокладки южнокавказского газопровода «Баку — Тбилиси — Эрзерум». А возможно, и нефтепровода «Баку — Тбилиси — Джейхан».

Как признают сами грузинские политики, благодаря этим проектам *«Грузия получила стратегическую значимость в восприятии западными государствами, поддержку США и увеличение объемов инвестиций»*. Эту внешнюю заботу о молодых демократиях надо чем-то оправдывать, поэтому страны победивших «цветных» революций быстро выстраиваются в «санитарный» или «энергетический» кордон вокруг России. Вот и новый президент Украины тоже не против такого *«стратегического использования уникальных транзитных возможностей по газу»*. Виктор Ющенко заявил, что готов поддерживать любое соглашение, которое закрепляет стратегическую функцию Украины как страны, обеспечивающей транзит газа из России в Европу. По его мнению, про-

ект газотранспортного консорциума «обречен на вечность» только в одном случае — если он учитывает интересы трех сторон. Страны, которая поставляет, стран, которые потребляют газ, и страны, которая обеспечивает транзит. Любая иная комбинация, по выражению Ющенко, «минимизирует стратегическое значение» этого проекта.

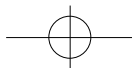
Эта перемена украинской позиции стала следствием переговоров в Германии, где Виктор Ющенко обратился к канцлеру Шредеру с инициативой вернуться к идее организации трехстороннего консорциума. На недавней пресс-конференции Владимир Путин не отрицал, что «самым естественным партнером для нас является Германия, поскольку это самый крупный потребитель российского природного га-

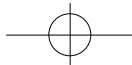
за. И Германия получает основные объемы газа через транспортную систему Украины». Но российский президент высказал несколько иную точку зрения на состав

газотранспортного консорциума: к этому двухстороннему проекту кроме Германии должны быть привлечены и другие европейские партнеры — итальянская компания ЭНИ и французская «Газ де Франс». Это выглядело, как малоуспешная попытка найти приемлемый для России тактический баланс сил в будущем консорциуме.

ЕС руками своих сателлитов стремится минимизировать стоимость энергоресурсов и переложить все риски на российского производителя

Похоже, что Россия столкнулась со стратегическим нажимом ЕС, который руками своих сателлитов стремится минимизировать стоимость энергоресурсов и переложить все риски на российского производителя. Однако в условиях, когда Россия стоит перед лицом неизбежной модернизации своей трубопроводной инфраструктуры, сравнимой только с проектом «газ — трубы», эта игра на понижение становится стратегически опасной для самой единой Европы. Поскольку транзитные «прокладки» из стран «санитарного кордона» не могут без внешних вливаний гарантировать в будущем ни бесперебойность, ни рост поставок энергоносителей.

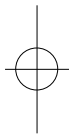

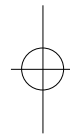
Юрий Солозобов

Туркменский гамбит

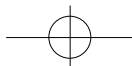
В ходе недавнего визита в Германию президент В. Ющенко встречался не только с канцлером Г. Шредером, но и обсуждал «перспективы сотрудничества» с председателем правления Ruhrgas Б. Бергманном. По итогам этих переговоров Deutsche Bank открыл Национальной акционерной компании «Нафтогаз Украины» кредитную линию на сумму около 2 млрд. евро для реализации международных проектов компании. Украинская сторона заявила, что подписание такого соглашения свидетельствует о доверии к «европейскоинтегрированному» руководству «Нафтогаза Украины». Председатель АО «Нафтогаз Украины» не исключил, что эти деньги могут быть использованы в достройке нефтепровода «Одесса — Броды» до польского Плоцка, а также для участия в трехстороннем газотранспортном консорциуме с Германией и Россией.

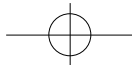

Предполагается, что Украина станет доверенным «газовым оператором» на пространстве СНГ для ЕС: для начала она будет торговать на территории Евросоюза «газом нероссийского происхождения». Для этих целей создается немецко-польско-украинский торговый дом, который будет в первую очередь ориентирован на закупки газа в Средней Азии — в Туркмении и Казахстане, недовольных экспортной монополией «Газпрома». Аналитики также считают, что условием создания такого торгового дома было требование польской стороны о финансировании достройки трубы до Гданьска.

Председатель правления немецкого энергоконцерна EON Вульф Бернотат весьма своевременно обнародовал информацию о полном прекращении поставок газа из Туркменистана в Россию и твердо заявил о скором вхождении EON в состав российско-украинского газотранспортного консорциума. (Отметим, что создание консорциума происходило накануне президентских выборов в Украине, и уже тогда предсказывалось, что в случае поражения Виктора Януковича будут предприняты попытки пересмотра договоренностей или даже их расторжения.) До недавнего визита в Киев Владимира Путина концерн «Газпром»

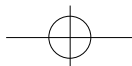

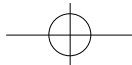

возражал против какого-либо пересмотра договоренностей по консорциуму. Сегодня отказ «Газпрома» пересматривать состав консорциума может привести к тому, что у «Газпрома» в Туркмении появится неожиданный конкурент. До сих пор единственным аргументом российской газовой монополии против альянса EON, «Нафтогаза Украины» и польской PGN&G была невозможность транзита газа из Туркмении в обход территории России. Теперь *внешнее давление на Россию* с требованием доступа среднеазиатских поставщиков газа в Европу *многократно возрастет*.

Поставки газа из Туркменистана в Россию на данный момент приостановлены, поскольку «Туркменнефтегаз» требует увеличить цену закупок газа. Российский «Газпром» решил было зайти с узбекского фланга и подписал контракт с компанией «Узтрансгаз» на транспортировку среднеазиатского газа через территорию Узбекистана и закупку 5 млрд. кубометров узбекского голубого топлива в 2005 г. Если Ашхабад в декабре прошлого года объявил о намерении увеличить цену своего газа для России до 60 долларов за тысячу кубометров, то Ташкент согласился всего на 49 долларов.. При этом российский газовый монополист получил возможность оплачивать 35–40% поставок товарами и услугами. Сделка с Узбекистаном заключена «Газпромом» именно на тот объем, который планировалось закупить у Туркмении.

Считалось, что российский концерн ловко развязал себе руки узбекским контрактом и мог бы даже пойти на разрыв договоренностей с неуступчивым Туркменбаши. Сейчас все среднеазиатские газопроводы проложены в Россию или через Россию, а «обходные» проекты не реализуются из-за недостатка свободных средств. Таким образом, Туркмения была поставлена в довольно жесткие рамки и, скорее всего, была бы вынуждена согласиться на условия России, оставив уровень цен на газ на прежнем уровне. Но Украина сделала неожиданный ход в «туркменском гамбите»: при немецких деньгах и украинской настырности на газовом рынке СНГ могут произойти решительные перемены. Сегодня основные поставки туркменского газа

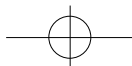
Юрий Солозобов

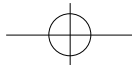
осуществляются через систему транзитных газопроводов «Средняя Азия — Центр», проходящих через территории Узбекистана, Казахстана и России. Низкая мощность действующего газопровода, проложенного еще в советское время, не позволяла Киеву закупать туркменский газ в должном объеме, а уж тем более перепродавать голубое топливо в ЕС. Сегодня в Берлине, Киеве и Ашхабаде полагают, что эта транспортная проблема вполне разрешима. С помощью немецких кредитов украинская сторона имеет возможность быстро подключиться к строительству новой трубы, которая пойдет по восточному побережью Каспия. Предварительная стоимость этой ветки оценивается в 1 млрд. долларов.

В стратегической перспективе немецко-украинская активность в Туркмении *может поставить под угрозу существующую монополию «Газпрома» на экспорт газа в Восточную и Центральную Европу*. Эта тенденция находится в русле принятой в ЕС энергетической стратегии, которая требует от своих членов активных усилий по диверсификации путей доставки энергоносителей. Для экономики Евросоюза важно сократить количество транзитных стран и найти новые пути доставки газа, минуя непредсказуемую Россию. А у Киева появляется стратегическая возможность помочь Туркменбаши освоить богатые месторождения нефти и газа. А там и до «оранжевой» революции в Туркмении рукой подать...

За вас, за нас, за газ!

Сегодня настал тот самый момент, когда особые обязанности, которые накладывает ЕС на свою «кочегарку» Россию, должны быть дополнены соответствующими особыми правами. Понятно, что сегодня и в ближайшие десятилетия российский энергетический экспорт в Европу не имеет альтернативы для обеих сторон. Однако до сих пор публично не обсуждалась ни схема участия стран ЕС в транспортном консорциуме, ни направление крупных европейских инвестиций в газовую отрасль России. При этом нужно четко понимать, что в перспективе возможны только две

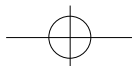
долгосрочные стратегии. Либо европейцы инвестируют свои значительные средства в модернизацию российских трубопроводов, получив гарантии того, что добываемое сырье будет гарантированно поступать именно в ЕС. Либо поставщики из России, желающие расширить экспорт в Евросоюз, масштабно инвестируют в инфраструктуру сами и самостоятельно несут все риски, компенсируя их повышением внутрироссийской цены на энергоносители.

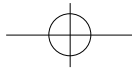
Евросоюз делает ставку на второй вариант и в переговорах по газу настаивает на отмене «энергетического демпинга», из-за которого российские промышленные потребители получают газ, цена которого в пять раз ниже экспортного уровня.

При немецких деньгах и украинской настырности на газовом рынке СНГ могут произойти решительные перемены. Под угрозой – монополия «Газпрома» на экспорт туркменского газа в Европу

Однако резкое повышение тарифов на газ стало бы в России ценовым шоком для всей экономики. Позиция России состоит в том, что низкие внутренние цены на энергию — естественное преимущество богатой ресурсами страны. Следует также напомнить, что вся газовая инфраструктура была создана в 1970–80-е гг. за счет советского государства и в ущерб другим социальным факторам. Чтобы создать экспортную отрасль, деньги «изымались» из других отраслей промышленности и из сферы потребления населения. Советский Союз ежегодно вкладывал в газовую промышленность порядка 10–12 млрд. долларов. Кажущаяся дешевизна тарифов сегодня — это недоучет стоимости строительства советской инфраструктуры.

Россия сегодня в основном добывает еще «старый советский» газ, но с каждым годом растет потребность в ремонте трубопроводов, а с 2010 г. нужно будет осуществлять масштабные проекты — освоение новых регионов и строительство транспортных систем. Повторить советский проект «газ — трубы» при нынешних ценах (не только низких внутренних, но и неадекватно заниженных экспортных) крайне сложно.

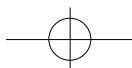

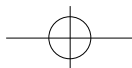
Юрий Солозобов

Сегодня просматривается только два выхода из ловушки «первой оптовой цены». Один заключается в публичном признании прежде заключенных с Евросоюзом ценовых контрактов как *коррупционных или подписанных под давлением*. (С проведением судебного процесса по примеру трибунала над бывшими министрами энергетики Турции — Кумхуром Эрсумером и Зеки Кананом, которым вменяется в вину подписание соглашений на импорт по невыгодным ценам по проекту «Голубой поток»).

Другой состоит в постепенном увеличении отпускной цены на газ вследствие «*психологической премии*», аналогичной той, что связывает высокие цены на нефть с нестабильностью транзита и поставок (постоянные теракты на трубопроводах в Ираке или угроза смены власти в Венесуэле). Применительно к России генератором такой «премии» могли бы стать социальная нестабильность в регионах газового транзита или участвовавшие аварии изношенных трубопроводов. Россия имеет полное моральное право поставить вопрос о ценовых изменениях и расширении своего участия в будущем газовом рынке Европы, поскольку всегда, даже в условиях тяжелого кризиса 1990-х гг., она оставалась абсолютно надежным партнером по устойчивому снабжению европейского континента энергией.

Решение вопроса о справедливых ценах на газ и европейских инвестициях в добычу и экспорт энергоресурсов возвращает нас к вопросу об энергетической стратегии России в целом. Сегодня речь идет о долгосрочной энергетической политике и стратегии собственного развития России, увязанной с внешнеэкономическими аспектами. В конечном итоге только государство, озабоченное модернизацией экономики России в целом, может быть заинтересовано не в росте физических объемов экспорта и даже не в увеличении его стоимостного объема, а в реинвестиции доходов от газового экспорта в развитие и модернизацию российской экономики.

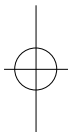

Татьяна Шлихтер

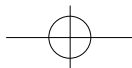
К геоэкономике топливно-энергетического комплекса

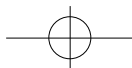
I. Базовые принципы устройства нефтегазового бизнеса

В последнее десятилетие экономисты начали понимать, что экономика, и особенно мировая экономика, в колоссальной степени зависит от политики. И в первую очередь это относится к нефтегазовому бизнесу. Нефтегазовый бизнес практически на 90% определяется политикой. В нынешнем технологическом укладе горючие углеводороды остаются почти единственным сырьем для энергетики и для производства и при этом являются классическим ограниченным ресурсом.

Все понимают, что рынок нефти и рынок газа — это олигополия продавца. В общем, пресловутая мировая цена на нефть определяется не на какой-то реальной товарной бирже, где совершались бы все сделки между продавцами и покупателями. Все понимают, что мировая цена на нефть на 80% зависит от открытого монополистического сговора Госдепартамента США с королевской семьей Саудовской Аравии, определяемого политическими соображениями. Остальные 20% мировой цены являются результатом олигопольного сговора всех остальных продавцов, большая часть которых объединена в ОПЕК, пытающихся посредством своего олигопольного сговора повлиять на первый монопольный сговор.

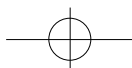
Татьяна Шлихтер

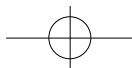
Такая ситуация существует по крайней мере с начала XX в., когда осветительный керосин стал широко заменяться на более дешевые газ и электричество благодаря изобретению ламп Эдисона, а бурное развитие автомобильной промышленности привело к тому, что бензин перестал рассматриваться как побочный продукт перегонки нефти и стал важным топливом, необходимым для автомобильного транспорта. И продолжается по сей день, несмотря на все широковещательные заявления об альтернативных источниках энергии.

Отсюда в нефтяном бизнесе и возникают такие специфические и вряд ли применимые к отраслям, работающим на внутреннем рынке, и к отраслям обрабатывающей промышленности понятия, как «нефтяная дипломатия», «нефтяные войны» и так далее.

При добыче горючих ископаемых все государства используют практически всего две стратегии. Первая стратегия — это добиваться возможности получения достаточных объемов достаточно недорогих горючих ископаемых, которые являются сырьем для энергетики, жилищно-коммунального хозяйства, промышленности и автотранспорта. Она действует как для стран-нефтепроизводителей, так и для стран-нефтепотребителей. Естественно, что страны-нефтепотребители заинтересованы в этом смысле в низких ценах, но и страны-нефтепроизводители заинтересованы в низких ценах для своего внутреннего рынка. Вторая стратегия, свойственная только нефтепроизводителям, — это добиваться высоких цен на нефть, так чтобы вырученную валюту направить на две цели: на приобретение необходимых народному хозяйству импортозамещающих технологий и на обеспечение высокого уровня жизни своих граждан за счет инвестиций во внутренний рынок и социальную сферу. Никаких других позитивных стратегий не существует. Имеется еще одна — слишком хорошо нам знакомая негативная стратегия, о которой будет сказано позже.

Такая ситуация задает бизнесу горючих ископаемых особый менталитет, который, если добыча ведется за границей, можно назвать империалистическим, а если добыча ведется на собст-

венной территории, – патриотическим. Вне зависимости от того, в какой собственности находятся компании, государственной или частной, собственники и топ-менеджмент проявляют чрезвычайно глубокое понимание задач собственного государства и чрезвычайно чувствительны к точке зрения правительства.

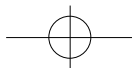
В принципе, существуют две модели оформления «государственно-нефтяных отношений», их можно назвать европейской и англо-американской.

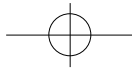
Европейская модель, которая в настоящее время распространена не только в Европе, но и в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и т.д., предполагает, что топливно-энергетический комплекс находится либо в полной собственности государства, либо государство обладает не менее чем блокирующим пакетом акций в этом бизнесе, а лучше контрольным.

Мировая цена на нефть на 80% зависит от открытого монополистического сговора Госдепартамента США с королевской семьей Саудовской Аравии

В Соединенных Штатах, Великобритании и Нидерландах нефтяной бизнес формально является частным. В этих странах, особенно в США после знаменитого антимонополистического разделения Standard Oil, поощряют конкуренцию национального бизнеса. Но хотя это бизнес — частный, приносящий своим собственникам большие прибыли и формально не зависящий от государства, англо-американская модель также подразумевает, что бизнес является предельно патриотическим и свою стратегию строит, негласно консультируясь со своим государством. В этом смысле целью любого такого бизнеса является принесение максимальной пользы собственной стране вплоть до откровенно империалистических и колониалистических целей принесения этой пользы независимо от того, какой вред наносится другим странам.

Тэковский бизнес, разумеется, не сводится к политике. Но то, что остается за вычетом политики, довольно трудно в полном

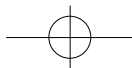
Татьяна Шлихтер

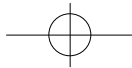
смысле слова назвать экономикой. Можно сказать, что нефтегазовый бизнес на 90% — это политика плюс геология. А оставшиеся 10% приходятся на менеджмент и технологии. (И в этом смысле топливно-энергетический сектор напоминает военно-промышленный по стратегическому значению и по пониженной роли собственно экономических соображений, хотя и они играют свою роль, и военные заказы приносят большие прибыли.) То есть, кроме переменных политической мощи, обеспечивающей возможности захвата месторождений для их эксплуатации, второй базовой переменной, определяющей этот бизнес, является просто ограниченность запасов.

И поэтому главным фактором частичного преодоления ограниченности является разведка новых месторождений, которая по сути и является тем, что понимается под производством запасов. Хотя, если верна господствующая сегодня теория происхождения нефти, запасы нефти ограничены, и по мере исчерпания существующих запасов последующие запасы становятся все более трудными для добычи и эксплуатации. Поэтому под «геологией» тут следует понимать не только собственно разведку, но и дифференциальное описание запасов, которое и определяет методы их эксплуатации.

Что касается технологии и менеджмента, то здесь надо отметить, что при добыче и эксплуатации горючих ископаемых используются сравнительно простые технологии и сравнительно простой менеджмент. В общем, современные методы добычи, современное оборудование, используемое при добыче, являются классическим примером средних технологий. Это сопоставимо с производством танков, если не с производством винтовок.

Пока самой сложной технологией добычи являются всего лишь платформы — сложный продукт инженерной мысли, но не более сложный, чем современные мосты. Можно сказать, что платформа является аналогом очень большого гражданского судна. А собственно используемое оборудование, т.е. насосы и трубы, тоже не отнесешь к высоким технологиям.

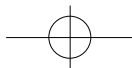
Практически на сегодняшний день высокие технологии используются в этом бизнесе только в сфере информатизации. Здесь имеется в виду просто применение компьютеров, которые используются не только для планирования, разведки, геофизического моделирования и конторской работы, но еще и как датчики. Как правило, это датчики количества и состояния, но есть еще и датчики, используемые при передовых методах, о которых будет сказано позже.

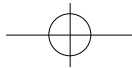
Этот бизнес подразумевает и достаточно простой менеджмент, достаточно простую структуру работ и достаточно простые категории работников. Скажем, на куст добывающих бригад приходится ремонтная бригада и геологическая и геофизическая группы.

II. Устройство нефтяного бизнеса в России: негативная модель

Нефтяной бизнес в России устроен не так, как во всем мире. В основном он является частным, что на первый взгляд может показаться копированием англо-американской модели, правда не современной, а такой, какая существовала в США в конце XIX в. Это можно выразить следующей формулой: импорт американской модели вертикально интегрированного холдинга без импорта соответствующей политической и управленческой культуры.

В результате в России почти полностью отсутствует контроль государства над нефтяным бизнесом. В самом лучшем случае владельцы крупных нефтяных компаний рассматривают свой бизнес через оптику модели мелкого семейного предприятия, а обычно — как среду для личного обогащения в духе «золотой лихорадки». Из этого, в сущности социально-психологического, а не социально-экономического феномена, проистекают все недостатки и негативные формы деятельности российских нефтяных компаний. Даже в сравнении с разгулом хищничес-

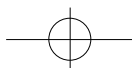
Татьяна Шлихтер

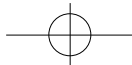
кого капитализма в Америке в конце XIX в. у нас имеются важные отличия в худшую сторону.

Во-первых, частные компании в других странах всегда должны были сами вести разведку, создавать инфраструктуру транспортировки, устанавливать добывающее оборудование и пр. В России компании пришли на все готовое. Во-вторых, Ельцин в свое время заключил с избранными людьми, сумевшими близко к нему подойти, особую преступную сделку. За обещание финансовой поддержки на президентских выборах он раздал им практически бесплатно всю нефтяную инфраструктуру и установил такие налоги, что львиную долю прибыли эти люди могли забирать себе. При этом финансовая поддержка, которую они ему оказали, составляла десятитысячные доли от розданной собственности.

В-третьих, новые собственники совершили сотни убийств конкурентов и чиновников, так или иначе препятствовавших незаконным приобретениям (незаконность имела место не только в самом определяющем решении Ельцина, но и на каждом этапе конкретного претворения этого решения в жизнь). В-четвертых, в государственных органах (министерствах, ведомствах, контрольных комиссиях), которые, казалось бы, должны осуществлять контроль над частными компаниями, ключевые должности занимают руководители этих самых компаний, что просто по факту является коррупционным сращиванием. В этих ведомствах разрабатывается определенная позиция по ключевым вопросам стратегии развития нефтяной отрасли России, которую по существу навязывают ставленники «ЛУКойла», «Сургутнефтегаза», ЮКОСа и других компаний. В результате не только наносится прямой экономический ущерб стране, но и ставится под угрозу ее геэкономическая безопасность.

В-пятых, Ельцин разрешил всем этим компаниям создать офшорные сети, во много раз уменьшающие суммы налогов, поступающих российскому государству и подкармливающие офшорные зоны. Это позволяет владельцам нефтяных компаний присваивать еще большую долю природной ренты. Уход от налогов

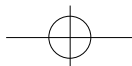
осуществляется, как правило, в три этапа. На первом этапе вертикально интегрированные нефтяные компании закупают у своих аффилированных нефтедобывающих компаний сырую нефть по трансфертным ценам, в 5–10 раз меньшим, чем рыночные. На втором этапе вертикально интегрированные нефтяные компании (а также «Газпром») продают при экспортных сделках сырую нефть (и газ) своим аффилированным офшорным компаниям по ценам значительно ниже мировых. На третьем этапе эти офшорные компании перепродают сырье зарубежным покупателям по равновесным ценам

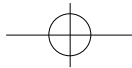
Уменьшению налоговой базы способствует и система налогообложения, которая по ставкам налога на прибыль приравнивает добывающие компании к высокотехнологичным. Как указывает глава «Роснефти»

Владельцы крупных нефтяных компаний рассматривают свой бизнес через оптику модели мелкого семейного предприятия, а обычно — как среду для личного обогащения в духе «золотой лихорадки»

Богданчиков, и внутри нефтяной отрасли «нет разумной дифференциации. Почему-то взимаются одинаковые налоги как с новых, так и со старых, истощенных месторождений. Кроме миллиардных потерь для госбюджета плоская шкала налогов провоцирует хищническую разработку месторождений. Ведь никто бы не стал рвать новые залежи быстрыми темпами отбора, если бы знал, что 80% полученного таким способом дохода уйдет в бюджет». Налог на добычу полезных ископаемых хотя и предусматривает некоторое снижение налогов при истощении месторождений, но его доля в общей сумме налоговых платежей столь мала (так как он в настоящее время невелик и является одновременно роялти за пользование недрами и налогом на восстановление минерально-сырьевой базы), что это практически ничего не меняет.

В-шестых, частные нефтяные компании практически не ведут геологоразведку. Только государственная компания «Роснефть» ведет большие геолого-геофизические изыскания, в том числе в тяжелых климатических условиях на шельфе о. Сахалин.

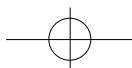
Татьяна Шлихтер

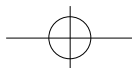
Вдобавок ко всему этому компании, чувствуя себя временщиками, ведут хищническую эксплуатацию месторождений и практически ничего не инвестируют в современные методы добычи, такие как: ремонтно-изоляционные работы в скважине (например, отсечение пластовой воды специальными химическими реагентами либо цементирование), последующие дострелы интервала перфорации нефтяного пласта (в некоторых случаях на солянокислотной основе), горизонтальное бурение с полным расчетом для дальнейшей безаварийной проходки ствола скважины, гидроразрыв пласта (но не на первичной стадии эксплуатации, когда можно посадить пластовое давление, а как на Западе, по мировой технологии, в конце периода эксплуатации скважины) и т.п. Довольно мало они вкладываются и в развитие нефтепереработки и нефтехимии.

Большую часть прибыли они вывозят за рубеж, инвестируя в конкурентов и врагов России и приобретая предметы роскоши. А сейчас с подачи Абрамовича у них, кажется, возникает новая мода — за наш счет устанавливать контроль над некоторыми сферами иностранного спортивного бизнеса. Некоторые компании, такие, как ЮКОС, занимаются скупкой лицензий на российские месторождения, чтобы потом продать их во много раз дороже иностранным покупателям.

Все частные российские нефтяные компании, в отличие от зарубежных, продают сырье, кому они хотят, и по тем ценам, по каким хотят, т.е. без каких-либо консультаций с государством. По собственному произволу они постоянно отказываются от строительства нефтеперерабатывающих заводов, желая получить деньги немедленно, без дополнительного производственного цикла. Они также отказываются вкладываться в модернизацию существующих НПЗ, которая позволила бы поставлять продукты переработки не только на внутренний рынок, но и на экспорт. В результате теряются огромные прибыли и соответствующие налоговые поступления, а также большое число потенциальных рабочих мест.

Практически все нефтяные компании, в том числе и со значи-

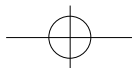
тельной долей государственной собственности, позволяют себе огромные нецелевые расходования средств, такие как вложение капиталов в офшоры, строительство офисов и жилья в различных городах России для себя, своих родственников, управленческой верхушки компаний и т.п., и государство их никак за это не наказывает.

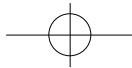
Все компании информационно закрыты, предоставляют искаженную статистику. Даже в отчетах Счетной палаты основные цифры не выкладываются в открытый доступ. Сами нефтяные компании постоянно ссылаются на коммерческую тайну и предоставляют значительно меньше информации, чем зарубежные компании. Поэтому общество отсечено даже от пассивного контроля над этим бизнесом. Газеты, журналы, интернет-сайты, выставки выступают как реальные агенты влияния компаний. Поэтому аналитикам приходится пользоваться экспертными оценками, анонимными интервью и т.д.

По мере укрепления российской государственности у нас появится возможность наказаний виновных в поддержке антироссийских террористов. Но возможное вторжение Соединенных Штатов в Саудовскую Аравию нам надо будет оттягивать

На этом фоне закрытости и дезинформации особенно комичны постоянные заклинания либеральных журналистов, в том числе и тех, которые не получают зарплату в нефтяных компаниях, о прозрачности бизнеса этих компаний и его особой эффективности на основе передовых технологий менеджмента. Воровство, конечно, в узких временных рамках более эффективно, чем любая технология управления, но его древность все же не позволяет назвать его «передовым».

В результате всего этого в Российской Федерации наиболее чистым образом воплотилась в жизнь негативная государственная (а правильнее было бы сказать, антигосударственная) стратегия нефтедобычи.

Татьяна Шлихтер

III. Как перевести нефтяной бизнес к позитивной модели

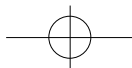
1. Российский нефтяной бизнес в свете международного положения России

От нефтяного бизнеса в российской экономике, к сожалению, зависит очень многое. Такое положение дел сложилось, самое позднее, после арабо-израильской войны 1973 г. и, вероятно, продлится как минимум еще лет двадцать пять. И в позднесоветское время, и сейчас страна, как любили говорить в годы перестройки демократические публицисты, «сидит на нефтяной игле». Сейчас она сидит на ней еще основательнее, — и прежние демократы не говорят об этом вообще.

Добываемую нефть в принципе можно продавать только на внутреннем рынке, но это требует смены политического режима и переориентации на автаркический путь развития. Мы не будем обсуждать здесь возможные плюсы и минусы такой переориентации, так как считаем такое развитие событий для России маловероятным на ближайшие десятилетия. Поэтому присмотримся к тому, в каком международном положении находится Россия в свете ее нефтяного бизнеса.

Российская экономика зависит в первую очередь от продаж нефти в Европу. Европейские страны также зависят от российской нефти. В каком-то отношении их зависимость сильнее, чем наша, так как стран-покупателей больше, чем стран-продавцов нефти. Но тут нужно учитывать, что теперь почти все европейские страны входят в Евросоюз и им при некоторых обстоятельствах проще организовать бойкот российской нефти, чем прежде.

Благоприятным для нас является то, что мировая экономика противится развитию атомной энергетики, не развивает по объемам угольную энергетику и одновременно хочет потреблять все больше и больше углеводородного сырья.

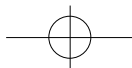

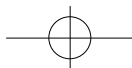
Тем не менее следует уменьшать свою зависимость от покупателей из одного региона. Ведь России угрожает не только бойкот со стороны европейцев, в случае если российское руководство перейдет за те политические рамки, которые пытаются предписать России европейские страны. В Европе в ближайшие десять-пятнадцать лет возможен, и даже вполне предсказуем, тяжелый экономический кризис, определяющийся уже хотя бы переходными процессами интеграции в Евросоюз большого количества новых членов. А большой кризис в Европе неминуемо вызовет снижение там спроса на российскую нефть.

В отношении европейских покупателей от российского руководства не требуется предпринимать чего-то экстраординарного. Во-первых, нужно просто обеспечивать соблюдение договоров и соглашений, в частности не допускать перебоев в поставках. Скажем, если крупные частные российские компании попытаются вести свою игру, сильно вредящую государственным интересам, то им надо будет дать быстрый укорот. Во-вторых, следует также развивать инфраструктуру транспортировки сырья, чтобы застраховаться на случай политических конфликтов с соседями.

В политике диверсификации покупателей бывшие советские республики играют сравнительно незначительную роль. Во-первых, они не очень ценные покупатели, так как покупают сравнительно мало и по более низким ценам. Во-вторых, ни одна из них не является эксклюзивным каналом транспортировки, а попытка заблокировать поставки встретила бы жесткую реакцию не только со стороны России, но и, в еще большей мере, со стороны европейских потребителей нефти.

Более интересен вопрос о конкуренции бывших советских республик как продавцов нефти. К счастью, ресурсы их также не слишком велики, так как если бы они были больше, то использовались бы не в согласовании с Россией, а в строгом противодействии ей. В этом убеждают реально практикуемые вызывающие, демонстративно-провокационные действия и поставщиков сырья, т.е. Туркмении, Азербайджана и Казахстана, и транзитных стран, т.е. Грузии и Украины.

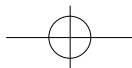
Татьяна Шлихтер

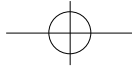
Реальными ресурсами располагает только Казахстан. Сами по себе они также не слишком велики, но существенно то, что при ожидаемом росте потребностей Китая в поставках нефти и газа Казахстан стремится отобрать у России часть китайского рынка.

Крупные потенциальные покупатели российской нефти имеются на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В первую очередь это, конечно, Китай и Япония. Но не стоит сбрасывать со счетов и «драконов». Это делает актуальными проекты строительства топливopроводов на Дальний Восток. В свете необходимости увеличения числа покупателей российскому руководству следует поддержать строительство именно нефтепровода «Ангарск — Находка», а не «Ангарск — Дацин». Полностью беспроблемной стратегии в таких крупных проектах быть не может, но связанный с ними финансовый риск Россия вполне может себе позволить даже сейчас.

Особняком стоит вопрос о возможных поставках сырья в Соединенные Штаты. Как мы указывали в первой части, актуальные мировые цены на нефть определяются в первую очередь сговором между администрацией Соединенных Штатов и королевским домом Саудовской Аравии. Но влияние этого сговора не безгранично: он просто держит цены на некотором возможном при нынешнем экономико-политическом раскладе сил минимуме. Сам же этот минимум сильнее всего определяется спросом на нефть и газ американских потребителей. Как показано в статье братьев Денисовых (см. <http://www.ctvr.ru>), этот спрос в ближайшие десятилетия, скорее всего, будет только расти, что должно сопровождаться и ростом мировых цен на нефть и газ, хотя при этом возможны и сравнительно кратковременные колебания.

Политика России в отношении продажи углеводородного сырья влияет на этот процесс незначительно, так как мы не являемся ни значимым поставщиком сырья в США, ни эксклюзивным поставщиком сырья на мировой рынок. Но навредить себе, разумеется, можно всегда. Например, можно было бы обеспечить крупные поставки сырья в США с повышенными собственными транспортными издержками.

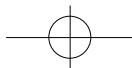
Если же США предложат компенсировать эти издержки, т.е. захотят покупать российскую нефть по ценам значительно выше мировых, то вопрос поставок можно было бы и рассмотреть. Так как прямой выгоды России от этого все равно бы не было, а рост мировых цен при этом замедлился бы, то пойти на такое соглашение можно было бы при условии предоставления нам Соединенными Штатами политических и экономических преференций, а базисным, находящимся как бы ниже начала обсуждения, условием тут должна стать отмена пресловутой поправки Джексона — Вэника.

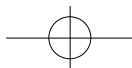
В связи с увязанием Соединенных Штатов в Ираке их возможное вторжение в Саудовскую Аравию по меньшей мере откладывается. Но этот вопрос, вероятно, встанет на повестку дня, в том числе и в связи с финансированием из Саудовской Аравии террористов, угрожающих США. Кроме того, у Соединенных Штатов есть веские основания подозревать саудовцев в биржевых диверсиях против США.

России в этом плане следует проводить гибкую политику. Надо понимать, что налаживание хороших отношений с руководством Саудовской Аравии никак не обезопасит Россию от финансирования саудовцами антироссийских террористов, потому что в Саудовской Аравии имеется достаточное количество независимых от официальных властей деятелей, способных осуществлять такое финансирование. Хорошо известно, что они финансируют террористическую деятельность и в собственной стране.

Мы не можем допустить полного американского контроля над саудовской нефтью, потому что в этом случае американцам надо будет сговариваться уже только с самими собой.

По мере укрепления российской государственности у нас появится возможность наказаний виновных в поддержке антироссийских террористов. Но возможное вторжение Соединенных Штатов в Саудовскую Аравию нам надо будет оттягивать. Если же оно состоится, то нам придется самим войти туда как бы в поддержку американцев и постараться поделить контроль на паритетных началах.

Татьяна Шлихтер

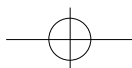
2. Стратегия перехода от негативной модели организации нефтяного бизнеса к позитивной

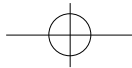
*Главным, можно даже сказать, все определяющим вопросом устройства российского нефтяного бизнеса является вопрос о том, кому должна принадлежать основная часть дохода от этого бизнеса. Ныне действующая российская Конституция дает на него общий ответ: она заявляет, что недра страны принадлежат народу. Но Конституция — это всегда лишь попытка юридически закрепить сложившееся в обществе соотношение сил. Когда соотношение сил коренным образом изменяется, Конституцию переписывают. Чего уж говорить о нынешней Конституции, которая была навязана как *немедленный* результат государственного переворота!*

Тем не менее имеющееся в ней положение о недрах следует рассматривать совершенно серьезно, так как оно выражает один из вариантов трактовки понятия общественной справедливости, а именно, социалистический вариант.

Реальное же устройство российского бизнеса воплощает социал-дарвинистский вариант понимания справедливости, хотя это понимание представляет собой настоящую перверсию, так что для живого нравственного чувства оно являет собой ярчайший пример воплощенной несправедливости. В соответствии с социал-дарвинистским пониманием, доходы от недр должны принадлежать тем, кто сумел их захватить, с тем исключением, что запрещается, чтобы они принадлежали чиновничеству или же большинству населения. Вообще чем меньше владельцев, тем дела, по мнению социал-дарвиниста, идут справедливее. Правда, российский вариант социал-дарвинизма имеет тут свою особенность. По мнению его живых носителей, людей «либеральных взглядов», владельцами недр «по справедливости» должны быть те, кто считается «бизнесменами».

Тезис о том, что нефтяная рента должна принадлежать бизнесменам, можно было бы всерьез рассматривать лишь в том случае, если бы было неопровержимо доказано, что от этого

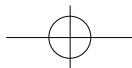
богатеет все общество, причем не в отдаленной перспективе, а в ближайшей. Но факты состоят в том, что благосостояние населения после захвата нефтяной ренты «бизнесменами» снизилось. А либеральные теории не способны реалистически изобразить, как это благосостояние должно возрасти. Все, что они предлагают, — это снять с нефтяного бизнеса уже имеющиеся ограничения, чтобы он, развившись и через несколько поколений окультурившись, начал вкладывать деньги во что-то полезное для общества. Эти теории говорят, что передача нефтяной ренты государству через несколько поколений приведет к снижению общественного благосостояния из-за паразитической природы чиновничества и из-за приучения населения к «халяве», т.е. к тому же паразитизму. Таким образом, под предлогом заботы о будущем они предлагают нынешнему и следу-

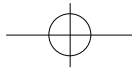
ющему поколениям смириться с массовой бедностью, с вопиющим богатством немногих и с отсутствием у государства ресурсов для инвестирования в оборону, науку, развитие высоких технологий и человеческий капитал. При этом реальная деятельность «нефтяных бизнесменов», как уже говорилось в начале нашего цикла статей, является хищнической, разрушительной и подрывает сами основы существования будущих поколений россиян.

Мы предлагаем радикально изменить систему торговли нефтью, создав конструкцию из двух бирж — биржи для внутреннего рынка и биржи для внешнего рынка

Поэтому ответ на вопрос, кому должна принадлежать сырьевая рента, должен начинаться так: в любом случае не тем, кому она принадлежит сейчас.

В настоящее время в России (и не только в России) нет возможности непосредственно осуществить социалистическое либо меритократическое решение этого вопроса, так как современное общество еще не выработало таких механизмов распределения доходов по всему населению, которые сводили бы участие государства к минимуму. Опосредованно же,

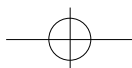

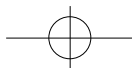
Татьяна Шлихтер

через государство, социалистически ориентированное распределение осуществить возможно. Практически все нефтедобывающие страны, за исключением США и Канады, действуют в этом вопросе социалистически ориентированно. Англия же отдает часть ренты от собственной нефти своему нефтяному бизнесу, но по отношению к чужой нефти ведет себя аналогично другим европейским странам, т.е. взимает со своего населения высокую плату за нефтепродукты (как прямо, так и косвенно, в виде налогов), а потом возвращает их посредством перераспределения. Тем самым Англия лучше, чем другие англосаксы, подготовлена к возможному многократному повышению цен на нефть.

Есть ли риск, что в результате изъятия нефтяной ренты государством значительная ее доля осядет в карманах чиновников? Следует признать, что это даже не риск, а неизбежность. Но также следует признать, что в любом случае народу достанется значительно больше, чем достается сейчас.

Что касается методов изъятия ренты, то конфискацию собственности и повышение налогов не следует рассматривать как настоящие альтернативы, а стоит относиться к ним как к возможным этапам. Быстрая конфискация, пусть даже формально оформленная не как конфискация, а, например, как дополнительная эмиссия государством акций на величину, соответствующую реальной стоимости, или как национализация с выкупом по той стоимости, по которой собственность была продана при приватизации, политически нереалистична при ныне существующей в России власти и месте Российской Федерации в мировом балансе сил. Поэтому на первом этапе должен быть усилен контроль за торговлей нефтью и должно быть предпринято значительное повышение налогов в различных формах. Второй этап должен состоять в ликвидации негосударственных офшоров. И только на третьем этапе может встать вопрос о конфискации. Но конфискация может не понадобиться, если нынешние владельцы нефтяных компаний превратятся в добросовестных менеджеров, — в таком случае им можно даже разрешить стать миноритарными акционерами.

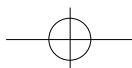

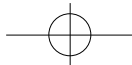

Какие конкретные механизмы контроля за торговлей нефтью можно предложить и каковы возможные методы повышения налогов? Часть из них описана в упоминавшейся нами ранее статье Денисова, Рывкина, Милитарева. В качестве еще одного возможного варианта мы предлагаем радикально изменить систему торговли нефтью, создав конструкцию из двух бирж — биржи для внутреннего рынка и биржи для внешнего рынка.

Идея состоит в том, чтобы вся торговля нефтью проходила через эти две биржи. Вначале должны проводиться торги, которые полностью покроют внутрисоссийские нужды на определенный период. Таким образом, первый этап каждого торгов осуществляется целиком на внутрисоссийской бирже. В нем должно участвовать ограниченное количество субъектов, таких как федеральное правительство, несколько представителей кустов регионов (выдвинутых самими региональными администрациями и законодательными собраниями), представители нефтяных компаний, представители производителей электроэнергии, представители союзов потребителей нефти (как предприятий, так и граждан), при этом механизмы выдвижения и избрания таких представителей еще должны быть разработаны. Кроме того, каждая нефтяная компания должна будет продать на внутренней бирже не менее определенной, одинаковой для всех компаний, доли от всей продаваемой ею нефти.

После удовлетворения всех внутренних потребностей в нефти должен проходить второй этап торгов. Он должен осуществляться на бирже для внешнего рынка. Здесь могут участвовать все желающие купить российскую нефть и все российские нефтяные компании, выполнившие все условия внутренних торгов. Кроме того, все торги должны проходить под контролем российского государства и полностью протоколироваться. Таким образом можно будет не только повысить налоги, но и учесть всю налогооблагаемую базу, в частности ликвидировать все негосударственные офшоры, — т.е. двухбиржевая система позволит осуществить сразу два этапа в

Татьяна Шлихтер

процессе передачи нефтяной ренты государству. Эта система благодаря своей обзримости и значительному уменьшению объема бухгалтерии также способна в колоссальной степени уменьшить как количество коррупционных сделок, так и их общий объем.

